

Памяти Маршала Жукова

50 лет назад, 18 июня 1974 года, скончался Георгий Константинович Жуков.

Его часто называют Полководцем №1. Но это не совсем верно. Хотя он и удостоен ордена №1 «Победа», подобного титула безоговорочно заслуживает Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин, который вёл к Победе фронт, не группу фронтов, а всю нашу Армию. И не одну Армию, а весь народ.

До 1956 года так оно и считалось и никаких сомнений не вызывало, но после подлого и лживого доклада

Хрущёва «О культе личности и его последствиях» имя Сталина стало не в почёте у властей, а значит – и у историков, и у журналистов. С конца же 1980-х и до сего дня имя Сталина они упоминают только со знаком «минус». Дошло уже до того, что за рубежом (а некоторые и у нас в стране!) его, наравне с Гитлером, стали обвинять в развязывании 2-й мировой войны. Даже называющие себя коммунистами зюгановцы, боясь потерять нагретые места в Госдуме, не велят носить его портреты на своих митингах и демонстрациях.

У победоносных, да ещё освободительных войн всегда есть живые символы. При освобождении Москвы в 1612 году ими стали К. Минин и Дм. Пожарский, хотя начало освобождению Москвы положило 1-е ополчение во главе с П. Ляпуновым, предательски убитым казаками. При изгнании Наполеона в 1812 году – М. Кутузов, хотя, по сути, он продолжил стратегию Б. де-Толли. При освобождении Болгарии в 1878 году – М. Скобелев, хотя немалыми победами прославился также И. Гурко.

В Победе 1945 года таким символом стал И. Сталин, но после «развенчания культа личности» на его место был поставлен Г. Жуков. Вряд ли кто-нибудь сомневается, что это – наиболее достойная замена. Не только потому, что по должности он был заместителем Верховного главнокомандующего и что он был единственным из полководцев трижды Героем Советского Союза (четвёртую Золотую Звезду он получил при Хрущёве не совсем за боевые заслуги), но и потому, что он был одним из трёх полководцев, наряду с И. Сталиным и А. Василевским, в полной мере обладавшим не только оперативным, но и стратегическим искусством. И потому, главное, что с его именем связаны почти все крупнейшие победоносные операции Великой Отечественной войны.

Да, он далеко не всегда вызывал симпатии у своих товарищей по оружию. Его грубость иногда переходила в самодурство. Его завышенная самооценка и тщеславие переходили в принижение чужих заслуг и превознесение собственных. Случалось, что его вера в собственную непогрешимость наносила ущерб делу. Всегда уверенный в своей правоте, он не терпел возражений. Судя по его мемуарам и по некоторым воспоминаниям о нём, он создал культ самого себя и сам поклонялся ему. Его самомнение, безапелляционность суждений и властолюбие вызывали раздражение и даже опасение у высшей власти, за что он поплатился «ссылкой» в Одессу при Сталине и полной отставкой при Хрущёве. Так что писать икону с Георгия Константиновича вряд ли уместно.

Но – «наши недостатки есть продолжение наших достоинств». А главные достоинства маршала были таковы. Обладая упорством и огромным чувством ответственности, он всю жизнь учился. Учился в академиях и учился в ходе войны, учился на чужих и своих ошибках, на победах и поражениях, и в военном отношении был одним из образованнейших полководцев своего времени. Обладая чётким логическим мышлением,

он столь же чётко излагал свои мысли при обсуждении планов операций, в приказах войскам и в донесениях в Ставку ВГК (Верховного Главнокомандования). Обладая выдающимся аналитическим умом, он умел быстро оценивать сложнейшие ситуации в масштабах не только одного фронта, но и всего советско-германского театра войны, и находить в них самое важное звено. Даже в безнадежной обстановке, он умел найти выход из положения. Обладая быстрой реакцией, он старался своевременно реагировать на изменения фронтовой обстановки, оперативно перебрасывая войска с одного участка на другой. Обладая уникальными организаторскими способностями, он умел эффективно действовать все имеющиеся в его распоряжении силы и средства. Обладая прямолинейностью характера, он не боялся резко возражать Сталину, если считал позицию того ошибочной. Обладая железной волей, он умел заставить вверенные ему войска выполнять стоящие перед ними задачи. Уверенный в себе, он всегда вселял уверенность и в других.

«Заглянем в его комнату – всё ползает по карте на полу. Уже тогда (в 1924 г. – В.Г.) долг, дело были для него превыше всего. У него всего было через край – и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах», – вспоминал маршал К.К. Рокоссовский. Эти качества позволяли Г.К. Жукову одерживать многие свои победы «не числом, а умением». Вопреки утверждениям некоторых публицистов из числа «гробокопателей», процент потерь в его войсках почти всегда был меньше, чем у других командующих фронтами.

В феврале 1941 года он был назначен начальником Генерального штаба РККА и войну встретил на этом посту. К мнениям штабов он всегда относился внимательно, но сам штабную работу не любил и ранее штабного опыта не имел. И вполне объяснимо, что при нём Генштабом был допущен ряд серьёзных ошибок и упущений: неверно определено направление главного удара вермахта (вместо ожидавшегося на юго-западе удар пришёлся по центру), не были приведены войска в боевую готовность, в результате чего только в первый день войны на земле было потеряно 1200 самолётов (ссылки на приказ Сталина «не провоцировать немцев на нападение» служат малым оправданием: нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, несмотря на этот приказ, объявил во флоте «Готовность №1», и начало войны флот встретил во всеоружии, не потеряв ни одного корабля), войска не были обеспечены полевыми картами и т.д., и т.д. Но, к чести Жукова, он и сам признавал, что стратегом в то время не был: *«Надо откровенно сказать, ни у наркома (С.К. Тимошенко – В.Г.), ни у меня не было необходимого опыта в подготовке вооруженных сил к такой войне, которая развернулась в 1941 году....».*

Из-за конфликта с И.В. Сталиным с этой должности Жуков был снят и 30 июля 1941 года назначен командующим Резервным фронтом, защищавшим дальние подступы к Москве. Фронт прославился наступательной операцией, проведенной с 30 августа по 6 сентября 1941 г., в результате которой был ликвидирован Ельнинский выступ и освобождена Ельня. И пусть Ельня через месяц была вновь захвачена врагом, эта небольшая победа имела не только военное значение (нанесено поражение превосходящим силам противника, улучшено общее положение фронта, снята угроза вторжения фашистов в глубину нашей обороны, приобретён опыт проведения наступательных операций), но и морально-политическое – был поднят боевой дух армии, поверившей, что грозного врага можно побеждать. Правда, в тени этой операции оказалось самое первое за время войны освобождение советского города – Великих Лук, осуществлённое ещё в июле другим, Северо-Западным фронтом.

10 сентября (по другим данным 14 сентября) 1941 года Жукова направили командовать Ленинградским фронтом вместо К.Е. Ворошилова. Связано это было с тем, что, возобновив наступление на Ленинград, 9 сентября враг замкнул кольцо сухопутной блокады и готовился к захвату северной столицы. Огромный город оказался в критическом положении. После прибытия на фронт Жуков вместе с руководством Ленинграда,

военным советом фронта и командованием Балтийского флота вскрыл и задействовал все возможные резервы, очень грамотно их использовал и установил исключительно жёсткий порядок и дисциплину в войсках. (Некоторые авторы утверждают, что 28 сентября 1941 года Жуков отправил зашифрованную телеграмму войскам Ленинградского фронта за № 4976, в которой, в частности, предписывалось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны...», и только после доклада члену Политбюро Г.М. Маленкову начальника Главного политуправления ВМФ эта телеграмма была отменена.) Но, как бы то ни было, все эти меры дали результат: наступление немцев (и финнов тоже) было остановлено, фронт стабилизировался, план противника по захвату города был сорван, город был спасён. И не только это. Под Ленинградом были скованы огромные войска вермахта, значительную часть которых после захвата Ленинграда немцы планировали перебросить на московское направление.

Некоторые историки «антижуковского» направления пишут, что немцы к тому времени уже сами отказались от захвата Ленинграда, и приезд Жукова особой роли не сыграл. Но это неправда. 21 августа 1941 года Гитлер дал указание: «Важнейшей целью, которая должна быть достигнута ещё до наступления зимы, является не захват Москвы, а: на юге – захват Крыма, индустриального и угольного Донецкого бассейна; на севере – захват Ленинграда и соединение с финнами».

2 октября 1941 года фашисты начали наступление на Москву (операция «Тайфун»). Вскоре они окружили и уничтожили 5 армий Западного (И.С. Конев) и Резервного (С.М. Будённый) фронтов и существенно продвинулись к городу. Столица оказалась в опасности, и 13 октября Жуков отозвал с Ленинградского фронта, назначив командующим Западным фронтом, который включил в себя также бывший Резервный фронт и часть сил Брянского фронта. На этот фронт пришлась основная тяжесть оборонительных боёв за Москву, особенно ожесточённых во второй половине ноября, которые он с честью выдержал, а 5 – 6 декабря при поддержке Калининского и Юго-Западных фронтов начал контрнаступление, закончившееся в начале января 1942 года разгромом немцев и отбрасыванием их на запад на 100 – 250 км. И это при том, что противник превосходил нас в живой силе и артиллерии в 1,5 раза, в танках – в 1,8 раза.

Блицкриг рухнул. Это была первая стратегическая победа Красной Армии. Хотя в ходе боёв Жуков и допускал оперативно-тактические ошибки, на что ему указывал Генштаб, его роль в этой победе невозможно переоценить. Никто из советских полководцев того времени не смог бы сделать то, что сделал Жуков. Он в критической ситуации, в обстановке всеобщей растерянности сумел восстановить твердое управление войсками, потерянное при натиске врага, создать непреодолимую оборону на ближних подступах, измотать противника неожиданными контратаками, а потом повести войска в успешное контрнаступление. Не зря его часто называют «спасителем Москвы».

Победа под Москвой вызвала чрезмерный оптимизм в Ставке ВГК, и на 1942 год она поставила цель: разгромить все три группы армий вермахта – «Север», «Центр» и «Юг». «...Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки (после поражения под Москвой – В.Г.), гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы ещё до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году...», – говорилось в директивном письме Верховного Главнокомандующего командующим фронтам. (В 1966 г. Жуков признался, что «шапки тогда у всех набекрень были», включая и его самого.)

В русле этой директивы 8 января 1942 года, сразу по окончании контрнаступления под Москвой, без подготовки началась одна из самых кровопролитных в Великой

Отечественной войне Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция Калининского (И.С. Конев) и Западного (Г.К. Жуков, он же с 1 февраля одновременно командующий Западным направлением) фронтов, задачей которой было окружение, расчленение и уничтожение основных сил группы армий «Центр» в районе Ржева, Вязьмы, Юхнова, Гжатска. Командующие с задачей не справились, ибо задача оказалась непосильной – противник был сильнее, лучше вооружён и лучше обеспечен боеприпасами. Ни окружить, ни расчлениить, ни уничтожить немцев не удалось. Наоборот часть наших войск оказалась окружённой, расчленённой и уничтоженной (полностью 33-я, в значительной мере 29-я и 39-я армии), а Ржев так и остался у врага. Хотя в результате операции вермахту был нанесён громадный урон, линия фронта продвинулась на запад ещё на 80 – 250 км и угроза ближайшего наступления врага на Москву была устранена, цена всего этого оказалась слишком высокой: за четыре месяца боёв потери Красной Армии составили 446 (по другим оценкам 770) тыс. человек, в том числе безвозвратные 153 тысячи (общие потери противника 330 тыс.).

Однако вина за столь большие жертвы лежит не только на Ставке ВГК, недооценившей силы врага, но и на командующих фронтами, которые, в частности, не предусмотрели возможность окружения наших частей и соединений, а когда те были окружены, с опозданием отдавали приказы о выходах из окружения. Сам Жуков был очень встревожен большими потерями и 30 марта 1942 г. издал приказ по Западному фронту, где говорилось: *«1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на неподавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность... 3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником потерь, какие меры приняты к виновным, чтобы не допускать их в дальнейшем...».*

Этим сражением окончилось зимнее контрнаступление Красной Армии. Его уроки и уроки ряда бесплодных наступательных боёв того периода (бесплодных, конечно, относительно – они сдерживали натиск врага и наносили ему существенный урон) привели к изменению планов летней кампании 1942 года – Генштаб сделал упор на активную стратегическую оборону и накопление резервов для последующих наступательных операций, тем более что по численному составу и по технической оснащённости наши войска ещё серьёзно уступали противнику, а накопленные резервы были израсходованы под Москвой. Г.К. Жуков, поддержав план в целом, предложил дополнительно провести наступательную операцию по «срезанию» Ржевского выступа (не «срезанному» им в предыдущей операции), глубоко вклинившегося в линию нашей обороны, а И.В. Сталин дополнительно предложил провести ещё частную наступательную операцию под Харьковом (на чём настаивали командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко и член военного совета Н.С. Хрущёв). В таком виде план и был утверждён. Как впоследствии писал начальник Генштаба А.М. Василевский, «самым уязвимым оказалось в нём решение одновременно обороняться и наступать».

Новая, вторая по счёту (всего их было четыре) Ржевская, или 1-я Ржевско-Сычёвская операция проводилась с 30 июля по 23 августа силами Западного (Г.К. Жуков), Калининского (И.С. Конев) и частью сил Северо-Западного (М.А. Пуркаев) фронтов. Это было время, когда враг разгромил наши войска под Харьковом и на Керченском полуострове в Крыму, перехватил стратегическую инициативу и рвался к Волге и Кавказу. Поэтому первоначальные задачи операции были сужены: разгромить не всю немецкую группировку, а только одну 9-ю армию, и «срезать» только часть Ржевского выступа, а главное – не дать противнику перебросить часть войск на южное направление. Однако из-за ряда объективных и субъективных причин эти задачи были выполнены лишь частично (Ржев остался у немцев), а главный итог операции состоял в том, что линия фронта

продвинулась на 40 – 45 км, были разгромлены 16 немецких дивизий (потери в них составили от 50 до 80% личного состава), а 4 танковые и несколько пехотных дивизий противника, подготовленных к отправке на южный фронт, оказались скованными. Но успех был достигнут дорогой ценой: наши потери составили 193 683 человека, из них 51 482 безвозвратные (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести), втрое выше, чем у немцев.

Несмотря на неуспех этой операции, Сталин высоко оценил заслуги Жукова в деле защиты Ленинграда и Москвы, и 26 августа 1942 г. назначил его заместителем Верховного Главнокомандующего и 1-м заместителем наркома обороны. Теперь Георгий Константинович стал часто бывать в Ставке и вместе с И.В. Сталиным и начальником Генштаба А.М. Василевским непосредственно участвовать в анализе боевой обстановки и разработке планов предстоящих операций.

Первой его «работой» на этих постах, выполненной совместно с Василевским, была разработка общего плана контрнаступления под Сталинградом. Детальный план был затем разработан в Генштабе с учетом предложений командующих Сталинградским (А.И. Ерёменко), Донским (К.К. Рокоссовский) и Юго-Западным (Н.Ф. Ватутин) фронтами. Попытки некоторых «историков» и мемуаристов приписать авторство плана кому-то из этих командующих (здесь особенно старался Ерёменко) не имеют никаких оснований – для этого нужно было обладать данными зафронтной разведки, сведениями о резервах, о запасах вооружения и боеприпасов, о возможности транспорта ит.д., а они могли быть только в Ставке ВГК и Генштабе.

Сам Жуков (вместе с Василевским) принял деятельное участие в подготовке фронтов и в самом контрнаступлении, которое, как известно закончилось 2 февраля 1943 г. окружением, разгромом и капитуляцией 330-тысячной армии противника. Это была вторая крупнейшая стратегическая победа Красной Армии, в которой Жуков вместе со Сталиным и Василевским сыграл первостепенную роль.

Однако проведенная с 25 ноября по 20 декабря 1942 г. (одновременно с началом сталинградского контрнаступления) по предложению и под руководством Жукова силами Западного (И.С. Конев) и Калининского (М.А. Пуркаев) фронтов 3-я Ржевская наступательная операция (2-я Ржевско-Сычѳвская, или операция «Марс») лавров венок полководца не добавила. Целью её было разгромить, наконец, основу группы армий «Центр» – 9-ю армию Моделя, отвлечь главные силы противника, не допустить их переброски под Сталинград и ликвидировать плацдарм возможного наступления на Москву.

Об этой операции советские книги по военной истории вообще умалчивали, а авторы солидных книг о Жукове (например, Н. Яковлев и В. Карпов) упомянули о ней скользь и очень обтекаемо, ибо окончилась операция провалом. При этом что в ней было задействовано больше наших сил, чем в Сталинградском контрнаступлении, Красная Армия практически не потеснила противника и понесла громадные потери – 215,7 тыс. чел., в том числе безвозвратные 70,4 тыс. Единственный, но очень важный плюс – вместо переброски от Ржева части своих войск под Сталинград противник был вынужден перебросить сюда с других участков 4 танковые и 1 моторизованную дивизии.

Причиной неудачи специалисты считают то, что немцы, имея хорошую разведку, разгадали замыслы нашего командования. Есть и другая версия. Знаменитый советский разведчик П.А. Судоплатов в книге «Спецоперации: Лубянка и Кремль» написал, что частичные сведения о нашем предстоящем наступлении на Ржев были «слиты» немцам в ходе радиопрограммы «Монастырь» с целью дезинформировать их о том, что главный удар Красная Армия будет наносить здесь, а не у Сталинграда, т. е. немцы были подготовлены

к отражению удара, о чём Жукова в известность не поставили. Некоторые историки подвергают этот факт сомнению, но даже если таковой был в действительности, это не оправдывает ошибок командования.

Жуков вспоминал: *«Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара»*. По воспоминаниям выживших участникам боёв, на практике «трудности рельефа» выглядели так: наши части по открытым заснеженным полям направляли в лобовую атаку (маскхалатов почти не было) на хорошо укрепленные оборонительные позиции врага, расположенные на возвышенностях, с которых целые роты, батальоны и полки наших бойцов немцы беспрепятственно выкашивали из пулемётов, миномётов и пушек. Удивительно, что Жуков, который руководил всей операцией и который, по его же воспоминаниям, перед началом наступательных боёв всегда осматривал наши передовые позиции в наиболее ответственных местах («ползал на животе», как он выражался), вину за непродуманную подготовку возлагает на одного Конева. (Не удивительно только, что Конев свои военные мемуары начал с Курской дуги, предпочитая не вспоминать о своих двух первых боевых годах.)

Ржевский выступ был всё же ликвидирован в марте 1943 г. в ходе четвёртой Ржевской (2-й Ржевско-Вяземской) операции. Опасаясь второго Сталинграда, немцы сами оставили его, но при отходе понесли очень большие потери. Наши же общие потери за год с лишним боёв под Ржевом составили по разным оценкам от 835,8 тысяч до 1 млн. 160,8 тысяч, из них безвозвратные – до 392,6 тысяч солдат и офицеров.

В январе 1943 г. Георгий Константинович был направлен (вместе с К.Е. Ворошиловым) координировать действия Волховского (К.А. Мерецков) и Ленинградского (Л.А. Говоров) фронтов при проведении наступательной операции «Искра». 18 января блокада Ленинграда была прорвана – пробит сухопутный коридор вдоль Ладожского озера, названный «Дорогой Победы». В этот же день полководцу было присвоено звание Маршала Советского Союза – первому за годы войны (через месяц такое же звание получил А.М. Василевский, а потом более года маршальское звание никому не присваивали).

Летом 1943 г. Жукову совместно с Василевским стоило определённых трудов убедить Сталина начать бои на Курской дуге не с наступления, а с преднамеренной, глубоко эшелонированной обороны, с целью измотать и обескровить противника, после чего самим перейти в наступление. Как показал ход Курской битвы, ставшей переломной во всей Второй мировой войне, это было самое верное решение. Жуков координировал действия Западного, Брянского и Центрального фронтов на северном фланге Курской дуги (действия фронтов на южном фланге координировал Василевский). 5 августа 1943 г. в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве состоялся первый в войну салют, а 23 августа 1943 г. битва закончилась разгромом немцев и вторым салютом по случаю освобождения Харькова. Оба салюта адресовались, в том числе, и Жукову.

С этого времени стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии, а Георгий Константинович, как и раньше, находился на острие событий. Он координировал победоносные действия Центрального (будущего 1-го Белорусского), Воронежского и Степного (будущих 1-го и 2-го Украинских) фронтов в Черниговско-Полтавской операции (за месяц боёв войска продвинулись на запад на 250 – 700 км, причём безвозвратные потери наших войск были втрое меньше потерь противника); при форсировании Днепра с взятием Киева; в Житомирско-Бердичевской операции (с созданием Корсунь-Шевченковского «котла»). С марта 1944 г., заменив тяжело раненного Н.Ф. Ватутина, он почти три месяца командовал 1-м Украинским фронтом, который провёл

успешную Проскуровско-Черновицкую наступательную операцию (войска продвинулись на 80 – 350 км, потеряв вчетверо меньше людей, чем противник).

10 апреля Жуков одновременно с Василевским был удостоен высшего военного ордена «Победа». Третьим орденом в июле был награждён Сталин, все трое – «За освобождение Правобережной Украины»; награждения этим орденом других полководцев состоялись только в 1945 году.

Затем он участвовал в разработке плана операции «Багратион» по освобождению Белоруссии – крупнейшей операции Второй мировой войны и координировал действия 1-го и 2-го Белорусских, а также вспомогательные действия 1-го Украинского фронтов (с северной стороны «Белорусского балкона» действия фронтов координировал Василевский). В ходе наступления, оценив общую обстановку на Советско-германском фронте, Жуков и Василевский, независимо друг от друга, предложили Сталину усилить группу фронтов Василевского для внезапного удара по слабо защищённой в то время Восточной Пруссии, но предложение принято не было. Позднее Жуков писал: *«Думаю, что это была серьёзная ошибка Верховного, в последующем повлёкшая за собой необходимость проведения чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции».*

В ноябре 1944 г. Георгий Константинович был назначен командующим 1-м Белорусским фронтом, нацеленным на главное, берлинское направление, вместо К.К. Рокоссовского (того перевели на 2-й Белорусский). По словам Жукова, Сталин объяснил это назначение тем, что общая протяжённость Советско-германского фронта и количество фронтов сократились, надобность в координации их действий, а, значит, и в представителях Ставки отпала. Видимо, истинная причина «понижения» была иной, поскольку, например, А.М. Василевский продолжал координировать действия трёх фронтов и лишь 20 февраля 1945 г. стал командовать 3-м Белорусским фронтом вместо погибшего А.Д. Черняховского.

В январе 1945 г. 1-й Белорусский фронт при участии 1-го Украинского (И.С. Конев) провёл блистательную Висло-Одерскую операцию, в ходе которой была полностью освобождена Польша, захвачен важный плацдарм на западном берегу Одера для последующего наступления на Берлин, полностью уничтожены 35 немецких дивизий, ещё 25 потеряли от 50 до 70% личного состава, взяты в плен 150 тыс. солдат и офицеров. Наши потери составили 193215 чел., причём процент потерь в войсках Жукова (7,5%) был почти в 1,5 раза ниже процента потерь в войсках Конева (10,7%)

Войска Жукова наступали с рекордной скоростью – по 20 – 30 км в сутки (это наступление считают самым стремительным в военной истории) и продвигались столь быстро, что оголялись фланги фронта из-за отставания соседних фронтов (1-го Украинского и 2-го Белорусского). *«Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью, невозможно описать всего того, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Это была трагедия невиданного масштаба... Европа не знала ничего подобного со времён гибели Римской империи»,* – писал после войны генерал вермахта фон Меллентин.

В феврале-марте правое крыло 1-го Белорусского вместе со 2-м Белорусским фронтом проводило трудную Восточно-Померанскую наступательную операцию (Северная Германия). Потери войск Жукова составили 14,5%, Рокоссовского – 30,9%, а 16 апреля началась Берлинская – последняя и одна из тяжелейших наступательных операций всей Второй мировой войны. Её проводили совместно 1-й Белорусский (его потери составили 19,7% личного состава) и 1-й Украинский (потери 20,7%) фронты. Завершилась она 9 мая (по московскому времени) подписанием в Берлине (Карлсхорсте) Акта о капитуляции фашистской Германии. С советской стороны Акт подписал Г.К. Жуков.

Наконец, 24 июня в Москве состоялся исторический Парад Победы. Принимать его на коне Верховный Главнокомандующий не мог в силу возраста, и поручил выполнить эту торжественную и высоко символичную миссию Г.К. Жукову. Ему же было поручено от имени Правительства и ЦК ВКП(б) поздравить трибуны мавзолея Армию с Победой – то, что по должности должен был сделать Верховный Главнокомандующий, Председатель Совета министров и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин. Это было высшим признанием заслуг маршала и это было великое звёздное время.

Г.К. Жуков не был непобедимым полководцем. Ини солдатский афоризм «Где Жуков – там победа», ни эпитет «Суворов XX-го века», коим его награждают некоторые восторженные почитатели-публицисты, к нему, как мы видим, не подходят. Он допускал промахи, а порой и дорогостоящие ошибки. Есть люди, которые всё внимание сосредоточивают на них.

Но не лучше ли вспомнить слова самого объективного «историка» А. Гитлера: «Если бы в германской армии был хотя бы один такой генерал, как Жуков, то Германия давно бы завоевала мировое господство»? Не лучше ли вспомнить слова американского генерала У. Спара: «В годину борьбы русского народа с новыми бедствиями Жукова поднимают как икону, олицетворяющую дух русского народа, умеющего выдвинуть вождя-спасителя в экстремальных условиях. Жуков — воплощение русской чести и доблести, русского суверенитета и русского духа. Никто не сможет стереть или запятнать образ этого человека на белом коне, который сделал так много, чтобы поднять свою страну до сияющих высот»?

А между тем из всех советских полководцев именно маршала Жукова подвергают наиболее ожесточённой критике. «С большого человека и спрос большой»? Нет, дело в другом. Им, «критикам», нужно принизить нашу Победу. Им нужно очернить нашу историю. Им нужно уничтожить символы героической советской эпохи – эпохи, сделавшей Россию могучей державой, о которую никто и в мыслях не допускал вытирать ноги. Как писал германоязычный поэт XIX века и, одновременно, германофоб Берне, «Гёте – король своего народа, свергнув его, легко справиться и с народом». Первой жертвой стал Иосиф Виссарионович Сталин. Потом дошла очередь до Георгия Константиновича Жукова.

Валерий Габрусенко